

Бернар Ги

Пример допроса инквизитором (XIV век)

[21.25]

«Когда приводят еретика на суд, то он принимает самонадеянный вид, как будто бы он уверен в том, что невинен. Я его спрашиваю, зачем привели его ко мне. С вежливой улыбкой он отвечает, что он ожидает от меня объяснений этого.

Я. — Вас обвиняют в том, что вы еретик, что вы веруете и учите несогласно с верованием и учением святой церкви.

Обвиняемый (поднимая глаза к небу с выражением энергичного протеста). — Сударь, вы знаете, что я невинен и что я никогда не исповедовал другой веры, кроме истинной христианской.

Я. — Вы называете вашу веру христианской, потому что считаете нашу ложной и еретической. Но я спрашиваю вас, не принимали ли вы когда-либо других верований, кроме тех, которые считает истинными римская церковь?

Обв. — Я верую в то, во что верует римская церковь, и чему вы публично поучаете нас.

Я. — Быть может, в Риме есть несколько отдельных лиц, которые принадлежат к вашей секте, которую вы считаете римской церковью. Когда я проповедую, я говорю многое, что у нас общее с вами, например, что есть Бог, и вы веруете в часть того, что я проповедую; но в то же время вы можете быть еретиком, отказываясь верить в другие вещи, которым следует верить.

Обв. — Я верую во все то, во что должен верить христианин.

Я. — Эти хитрости я знаю. Вы думаете, что христианин должен верить в то, во что веруют члены вашей секты. Но мы теряем время в подобных разговорах. Скажите прямо: веруете ли вы в Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого?

Обв. — Верую.

Я. — Веруете ли вы в Иисуса Христа, родившегося от Пресвятой Девы Марии, страдавшего, воскресшего и восшедшего на небеса?

Обв. (быстро) — Верую.

Я. — Веруете ли вы, что за обедней, совершаемой священнослужителями, хлеб и вино божественной силою превращаются в тело и кровь Иисуса Христа?

Обв. — Да разве я не должен верить в это?

Я. — Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы верить, а веруете ли?

Обв. — Я верую во все, чему приказываете верить вы и хорошие ученые люди.

Я. — Эти хорошие ученые принадлежат к вашей секте; если я согласен с ними, то вы верите мне, если же нет, то не верите.

Обв. — Я охотно верую, как вы, если вы поучаете меня тому, что хорошо для меня.

Я. — Вы считаете в моем учении хорошим для себя то, что в нем согласно с учением ваших ученых. Ну, хорошо, скажите: верите ли вы, что на престоле в алтаре находится тело Господа Нашего Иисуса Христа?

Обв. (резко). — Верую этому.

Я. — Вы знаете, что там есть тело, и что все тела суть тела нашего Господа. Я вас спрашиваю: находящееся там тело есть ли истинное тело Господа, родившегося от Девы, распятого, воскресшего, восшедшего на небеса и т. д.?

Обв. — А вы сами верите этому?

Я. — Вполне.

Обв. — Я тоже верую этому.

Я. — Вы верите, что я верую; но я вас спрашиваю не об этом, а о том, верите ли вы сами этому?

Обв. — Если вы хотите перетолковывать все мои слова по-своему, а не понимать их просто и ясно, то я не знаю, как ещё говорить. Я человек простой и тёмный и убедительно прошу вас не придираться к словам.

Я. — Если вы человек простой, то и отвечайте просто, не виляя в стороны.

Обв. — Я готов.

Я. — Тогда не угодно ли вам поклясться, что вы никогда не учили ничему несогласному с верою, признаваемой нами истинной.

Обв. (бледнея). — Если я должен дать присягу, то я готов поклясться.

Я. — Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы дать присягу, а о том, хотите ли вы дать её.

Обв. — Если вы приказываете мне дать присягу, то я присягну.

Я. — Я не принуждаю вас давать присягу, ибо вы, веря, что клясться запрещено, свалите грех на меня, который принудил бы вас к нему; но если вы желаете присягнуть, то я приму вашу присягу.

Обв. — Для чего же я буду присягать, раз вы не приказываете этого.

Я. — Для того, чтобы снять с себя подозрение в ереси.

Обв. — Без вашей помощи я не знаю, как приступить к этому.

Я. — Если бы мне пришлось приносить присягу, то я поднял бы руку, сложил бы пальцы и сказал бы: «Бог – мой свидетель, что я никогда не следовал ереси, никогда не верил тому, что несогласно с истинной верой».

Тогда он бормочет, как будто не может повторить слов, и делает вид, что говорит от имени другого лица, так что, не принося настоящей присяги, он в то же время хочет показать, что даёт её.

В других случаях он обращает присягу в своего рода молитву, например: «Да будет мне свидетелем Бог, что я не еретик»; и если его после этого спрашивают: «Поклялись ли вы?», то он отвечает: «Разве вы не слышали»? Прижатый к стене, он обращается к милосердию судьбы и говорит ему: «Если я согрешил, то я согласен покаяться; помогите мне смыть с себя несправедливое и недобросовестное обвинение». Но энергичный инквизитор не должен позволять останавливать себя подобным образом, он должен неуклонно идти вперёд, пока не добьётся от обвиняемого сознания в заблуждениях или, по меньшей мере, открытого отречения под присягой, так что, если позднее обнаружится, что он дал ложную клятву, то его можно будет, не подвергая новому допросу, предать в руки светской власти.

Если обвиняемый соглашается клятвенно подтвердить, что он не еретик, то я говорю ему следующее: «Если вы собираетесь дать присягу для того, чтобы избежать костра, то ваша присяга меня не удовлетворит, ни десять, ни сто, ни тысяча, ибо вы взаимно разрешаете друг другу известное число клятв, данных в силу необходимости. Кроме того, если я имею против вас, как думаю, свидетельства, расходящиеся с вашими словами, ваши клятвы не спасут вас от костра. Вы только оскверните вашу совесть и не избавитесь от смерти. Но если вы просто сознаетесь в ваших заблуждениях, то к вам можно будет отнестись со снисхождением». Я видал людей, которые, устранившиеся этой речью, приносили признание»